

Казни княгини Ольги:
«тройственная смерть»
и трансформация культовых парадигм

Владимир Я. Петрухин

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия;

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия,

vladimir.petrukhin@gmail.com

Аннотация. В древнерусской традиции отсутствуют дохристианские тексты, описывающие загробный мир и странствия на «тот свет». Особое значение для понимания этих представлений имеют предания Начальной летописи («Повести временных лет») – «сказания о первых русских князьях» («варяжские саги» в терминологии А. Стендер-Петерсена). Самый пространственный текст «сказаний» – описание расправы княгини Ольги с древлянами, убийцами ее мужа Игоря. Расправа включает три эпизода – закапывание древлянских сватов-послов в землю в ладье, сожжение в бане – «мовнице», истребление оставшихся древлян, упившихся на тризне по Игорю, оружием. «Казни» Ольги переданы летописью в соответствии с традиционными культовыми парадигмами: «обрядами перехода» – свадебными и погребальными. Все три мотива (погребение, сожжение, убийство оружием) соотносятся с мифоэпическими традициями Северной Европы (древнеирландской и скандинавской – древнеисландской), однако отражают, скорее, не три функции Дюмезиля, связанные с мифологической космологией, а историческое предание об установлении/восстановлении надплеменного государственного порядка в Русской земле после племенного восстания древлян.

Ключевые слова: княгиня Ольга, «Повесть временных лет», обряды перехода, тройственная смерть

Для цитирования: Петрухин В.Я. Казни княгини Ольги: «тройственная смерть» и трансформация культовых парадигм // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 4. С. 53–62. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-4-53-62

Death penalties of Princess Olga.
“Threefold Death”
and transformation of cult paradigms

Vladimir Ya. Petrukhin

*Institute of Slavic Studies, Moscow, Russia;
HSE University, Moscow, Russia, vladimir.petrukhin@gmail.com*

Abstract. There are no pre-Christian descriptions of the afterlife and wanderings to the “other world” in the Old Russian tradition. Of particular importance for the understanding of these ideas are the traditions of the Initial Chronicle (Tale of Bygone Years) – “Stories about the first Russian princes” (“Varangian sagas” in the terminology of A. Stender-Petersen). The most lengthy text of the ““Death penalties” is a description of the massacre of the Drevlyans the murderers of her husband Igor, by Princess Olga. The massacre includes three episodes: the burying of the Drevlyan ambassadors in the boat, the burning in the “bath”, the extermination with weapons of the remaining Drevlyans, who drank on the Igor’s trizna. Olga’s “death penalties” are transmitted by the chronicle in accordance with traditional cult paradigms: “rites of passage” – wedding and funerary. All three motifs (burial, cremation, death from weapons) correlate with the mythoepic traditions of Northern Europe (Old Irish and Scandinavian – Old Icelandic), but rather reflect not the three functions of Dumézil, connected with mythological cosmology, but the legend of the establishment of the nontribal state order in the Russian land after the tribal uprising of the Drevlyans.

Keywords: Princess Olga, Tale of Bygone years, rites of passage, threefold death
For citation: Petrukhin, V.Ya. (2022), “Death penalties of Princess Olga. ‘Threefold Death’ and transformation of cult paradigms”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 4, pp. 53–62, DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-4-53-62

В древнерусской книжной традиции отсутствуют дохристианские тексты, описывающие загробный мир и странствия на «тот свет» (этим сюжетам были посвящены XIII Мелетинские чтения 2021 г.). Особое значение для понимания этих представлений имеют предания Начальной летописи – «сказания о первых русских князьях», отвечающие на заглавный вопрос летописи о становлении русской государственной власти – «Откуда есть пошла Русская земля»; Адольф Стендер-Петерсен, учитывая варяжские имена первых князей, назвал эти сказания «варяжскими сагами». Самый пространственный текст «сказаний» – описание ритуализованной расправы дrevлян с киевским князем Игорем, а затем –

княгини Ольги с древлянами, убийцами ее мужа Игоря; традиционно считается, что это описание воспроизводит архаические ритуалы, прежде всего погребальные¹.

Расправа над Игорем, нарушившим договоренность («ряд») о полюдые – сборе дани с древлян, заключалась в способе казни: князя казнили как преступника, «волка», разорвав его тело меж двух согнутых деревьев и лишив нормального погребения². Ольга, усмиряя древлян, восстановила норму, велев насыпать курган и устроив тризну по Игорю. Напомню при этом, что Ольга отнюдь не рисуется летописцем ревнительницей языческих обрядов: напротив, в Начальной летописи она хитроумный культурный герой (ср. о культурном герое: [Мелетинский 1998, с. 334–359]), обустроивающий государственную власть на племенных землях древлян, словен и кривичей на реках волховского бассейна и (в отличие от архаического хитреца-трикстера – ср. [Liberman 2016, p. 160 ff.]), выбирающий новую христианскую веру вне Русской земли – на пути из варяг в греки (между Киевом и Константинополем). Хитроумие необходимо было как раз для преодоления архаических (племенных) культурных норм: княгиня могла «переключать» не только простодушных древлян с их ориентацией на родоплеменные брачные нормы «композиции» (возмещения ущерба), но и сладострастного византийского императора, ссылаясь уже на христианский канон. Завершает летописное описание ее деяние, также связанное с «обрядами перехода» в христианизированной форме: утверждение, что перед смертью «заповедала Ольга не творити тризны над собою» (ПВЛ, с. 32).

Летописная расправа Ольги над древлянами включает три эпизода, ассоциирующиеся едва ли не с индоевропейской древностью – «тройственной смертью» [Ward 1970]. Явившиеся в Киев на ладье древлянские послы предлагают княгине традиционную с точки зрения племенного права компенсацию – взамен казненного русского князя-злодея («волка») сватают ее за *своего* князя Мала («доброго пастыря»). Княгиня предлагает коварный сценарий «величания» сватов: летописный диалог Ольги со сватами возводится к традиционным обрядовым формулам [Лихачев 1953, с. 164–165]. Уже первая фраза Ольги сватам – «Добри гостье придоша» (ПВЛ, с. 27) – может

¹ Пространный обзор литературы, посвященной погребальным обрядам в контексте летописной истории, см. в статье: [Koptev 2010].

² Обрядовое расчленение тела призвано было предохранить от возвращения с того света мстительного мертвеца. См. о сакральном значении казни в германской традиции: [Ström 1942].

быть отнесена к свадебному диалогу³. Далее княгиня навязывает сватам заговор/загадку, которую те должны воспроизвести перед киевлянами, высланными княгиней для встречи «гостей»: «ръѣѣте: не едемъ на конѣхъ, ни пеши идемъ, но понесѣте ны в лодѣѣ». Киевляне сетуют на свою участь («намъ неволя; князь нашъ убьенъ, а княгини наша хочет за вашъ князь»; ПВЛ, с. 27), но в городе ладью бросают *в яму*, приготовленную Ольгой на ее теремном дворе, княгиня велит *засыпать* послов живыми. Затем княгиня требует в качестве сватов «лучших мужей» древлянской земли, каковых заставляет «мовь створити» и *сжигает* сватов в «мовнице»⁴. Наконец, княгиня сама направляется к древлянам, требуя «пристроить меды многи» для тризны по мужу: на тризне она велит своим отрокам, прислуживавшим древлянам, перебить упившихся древлян *оружием*. Замечу, в связи с распространенным в историографии поиском скандинавских параллелей летописным мотивам (погребение в ладье, сожжение врагов в закрытом помещении, закапывание живыми в землю)⁵, что характерным для саг было и совмещение «семейных (переходных)» обрядов – тризны и свадьбы; знаменитый своим сходством с Вещим Олегом Орвар-Одд справляет свою свадьбу вместе с тризной по тестю⁶; ср. «Сагу о людях из Лаксдаля» (гл. VII), где «заодно справили оба празднества» – свадьбу и тризну; см. также о собственно древнерусских параллелях в комментариях Д.С. Лихачева (ПВЛ, с. 437–438).

³ Ср.: Агапкина Т.А., Невская Л.Г. Гость / Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 531–533.

⁴ Сожжение врагов в закрытом помещении – распространенный мотив исландских саг: в связи с рассматриваемым сюжетом ПВЛ давно привлекает внимание рассказ о сватовстве семи конунгов к шведской королеве Сигрид Гордой – та велит сжечь пирующих женихов в пиршественной зале: среди недостойных королевы женихов оказывается и русский князь Висивальд (Всеволод?), что позволило соотносить этот рассказ с «варяжской сагой» об Ольге, известной на Руси, ср.: [Стендер-Петерсен 2021, с. 190–191]. Сюжет сватовства на Руси (Гардарики саг) относится к категории трудных задач в далекой земле: в «Саге о Стурлауге Трудолюбивом» конунг Гардарики грозит позорной казнью через *повешение* свату, предлагающему дочери конунга недостойного супруга [Глазырина 1996, с. 164, 166]; ср. ниже о казни сватов Ярмериком/Германарихом.

⁵ Ср. в связи с деяниями Ольги: [Стендер-Петерсен 2021, с. 190–192; Ström 1942, p. 199].

⁶ *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. М.: Вече, 2020. С. 207.

В фольклоре, отражающем эти «обряды перехода» (инициация /символическая смерть), – волшебной сказке – известны параллели летописному сюжету: ведьма выманивает мальчика-рыбака из лодки в свой дом, чтобы изжарить его в печи, но тот обманывает злодейку, забрасывая в печь ее саму (СУС, тип 327 С); ср.: [Пропп 1984, с. 118–119]). Сказочный сюжет лишь формально напоминает летописный: Ольга не была сказочной злодейкой (ее теремной двор – не «лесной дом» волшебной сказки), хотя сватовство древлян сохраняет элементы традиционной обрядности, в том числе перевоза через реку, символизирующего брак⁷. Сваты выманивают на сушу, они не проходят «испытания», которое проходит иницируемый сказочный герой (ср.: [Пропп 1986, с. 304–305], см. в том числе об испытании баней: [Пропп 1986, с. 315–317]). Происходит смена парадигм: летописный сюжет историзирует традиционные фольклорные формы, включая их в нарратив, посвященный становлению государственного права – казни восставших подданных.

К форме кремации – мотиву «огненной смерти» – примыкает и завершающий летописный рассказ о казнях Ольги: мотив сожжения осажденных древлян в их городе Искоростене. Однако последний бродячий мотив (сожжение осажденных при посредстве птиц, разносящих пламя по своим гнездам), четвертый по счету «казней», признается «дополнительным», заимствованным из средневековой хронографии [Стендер-Петерсен 2021, с. 107–124].

Существенно, что в самой летописи Ольге, пришедшей с войском под Искоростень, приписаны слова, предвещающие последнюю «хитрость»: «Азь мьстила уже за обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и *третье*, когда творихъ трызну мужеву своему»; требование легкой дани в виде птиц с каждого двора княгиня выдавала за примирительный акт (ПВЛ, с. 28).

Все три мотива мести Ольги (погребение, сожжение, смерть от оружия) соотносятся с мифологическими традициями Северной Европы: древнеирландской (тройственная смерть короля-язычника Диармайда через сожжение, утопление и убийство оружием/копьем (ср. [Dumézil 1970, p. 149–150; Михайлова 2002, с. 259–269]) и скандинавской – древнеисландской [Ström 1942]. Сам Один как культурный герой следует этой парадигме тройственной смерти/жертвоприношения: он принес себя в жертву, пригвоздив копьем к мировому дереву – ясеню Иггдрасиль – ради обретения сверхъестественного знания [Eson 2010]; в эвгемерической

⁷ Петрухин В.Я. Лодка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 128–129.

трактовке Снорри бог превращается в исторического правителя Швеции, вводящего обряд трупосожжения – с дымом погребального костра следовало достичь Вальхаллы; перед смертью он велел имитировать пронзающий удар копьем. Напомню, что сюжет самопожертвования Одина на мировом древе традиционно вызывает ассоциации с христианским сюжетом распятия, включавшим удар копьем (ср.: [Liberman 2016, p. 65 ff.]), но виды жертвоприношения – повешение и использование копья – демонстрируют дохристианское искусство эпохи викингов, а сюжет связи Одина с мировым древом надежно встроен в систему скандинавской мифологии [Мелетинский 1998, с. 265].

В «историзированном» виде сюжет расправы со сватами–претендентами на престол правителя, близкий летописному сюжету сватовства древлянского князя Мала, донесен Саксоном Грамматиком в «Деяниях датчан»⁸: обретающиеся в Германии племянники датского короля Ярмерика навязывают ему брак с их сестрой Свавильдой; справив свадьбу, Ярмерик вторгается в Германию и расправляется со «сватами»-племянниками, казнив их через *повешение*; затем он собирает якобы на пир «всех знатных людей» из окружения племянников и казнит их тем же способом. Красавицу Свавильду также ждала несчастная участь: ложно обвиненная злым советчиком в преступной связи с пасынком, она, после имитации повешения, была брошена под копыта коней. Уцелевшие в распре мстители, явившиеся с «Геллеспонта», расправляются с Ярмериком: таково восприятие датским средневековым хронистом позднеантичного сюжета о расправе готского короля Германириха (Эрманариха/Ярмерика) с Сунильдой – женщиной из племени росомонов, донесенного Иорданом⁹. Германские соперники датского короля Ярмерика контаминированы в изложении А. Стендер-Петерсену усмотреть участие византийских варягов в распространении этих сюжетов на Севере Европы [Стендер-Петерсен 2021, с. 330–332]. «Геллеспонтцы» и датчане истребляют друг друга в битве, в чем оказывается замешан у Саксона сам Один, выступающий у христианского хрониста в эвгемерической роли мага, но не божества¹⁰.

⁸ Саксон Грамматик. Деяния данов: В 2 т. Кн. 1–16 / Изд. подгот. А.С. Досаев, И.А. Настенко. М.: Русская панорама, 2017. Т. 1. Кн. 8. Гл. 10: 9–13.

⁹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов: Гетика / Пер. с лат. и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 129–130; ср. комментарии на с. 279–280.

¹⁰ Саксон Грамматик. Указ. соч. Т. 1. Кн. 8. Гл. 10: 14.

Древнерусская традиция чужда эвгемеризму: как уже говорилось, Ольга становится в летописи провозвестницей христианства. Сохранные летописным преданием архаические мотивы тройной смерти отражают, на мой взгляд, не архаическое трехфункциональное жертвоприношение (в духе теории Ж. Дюмезиля, ср.: [Dumézil 1970, pp. 127–156; Ward 1970]; см. «дюмезилянскую» историографию: [Кортев 2010, p. 10 ff.]), хотя пережитки представлений о таком жертвоприношении характерны для славянского фольклора. Достаточно вспомнить расправы с календарными чучелами (Купала, Масленица и т. п.) в календарной обрядности: фетиши подвергались разрыванию на части, сожжению и/или потоплению. Сама эта традиция подверглась «эвгемеризации» в современной историографии, когда Н.Н. Велецкая усмотрела в календарной обрядности пережиток реального жертвоприношения стариков [Велецкая 1978, с. 44]¹¹. Лев Диакон описывает жертвоприношения в русском войске сына Ольги язычника Святослава на Балканах как раз в связи с погребальным обрядом – *кремацией* погибших, которая сопровождалась закланием пленных и *удушением* их *младенцев* и петухов – их *топили* в водах Истра (кн. 9)¹².

Центральным для русской летописи (начиная с призвания варягов) стал не ритуал, а «исторический» сюжет становления социального порядка, в эпоху Ольги – восстановление и «развитие» государственного права в Русской земле после племенного восстания древлян (нарушения ранней договоренности – ряда о дани с племенами), включая сооружение кургана над прахом

¹¹ Впрочем, ритуализованная смерть северных королей в книжных эпических сюжетах (Сага об Инглингах) приурочивалась к календарным праздникам или интерпретировалась как жертва за урожай [Dumézil 1970, pp. 149–150]. «Реальные черты исторической действительности» усматривал в сюжете мести Ольги и И.Я. Фроянов [Фроянов 1995, с. 63 и сл.]: конфликт с древлянами воспринимался как ритуализованная попытка захватить власть умерщвленного Малом правителя, его жену и имущество, по аналогии с фольклорным материалом, собранным Дж. Фрэзером в его знаменитой «Золотой ветви». И.Я. Фроянов справедливо обращает внимание на стремление Ольги совершить положенный князю погребальный обряд, справив тризну на его могиле (Игорь этого обряда был лишен), но упускает двойственную направленность этого обряда: Ольга очередной раз обманывает древлян, явившись к ним с малой дружиной, достаточной для того, чтобы перебить оружием упившихся на тризне древлян и осуществить *третью* казнь.

¹² *Лев Диакон. История* / Пер. с греч. М.М. Копыленко; вступ. ст. М.Я. Сюзюмова; коммент. М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова; отв. ред. Г.Г. Литаврин; ред. пер. С.А. Иванов. М.: Наука, 1988. 237 с.

князя Игоря; фигуры исторических правителей в этом сюжете синтезировали все «социальные» функции. Обрядовые формы оказываются «пережиточными» в летописном сказании о казнях Ольги: важен не способ, которым отправляют на тот свет, а статус участников конфликта и очевидная обреченность носителей архаических правовых норм. Как уже говорилось, сама Ольга завещает похоронить себя по-христиански; ее упорствовавший в язычестве сын Святослав вообще оказался лишенным погребения, став жертвой языческого печенежского обряда.

Сокращения

- ПВЛ – Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., подгот. М.Б. Свердлов. СПб.: Наука, 1996. 667 с.
- СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков; отв. ред. К.В. Чистов. Л.: Наука, 1979. 437 с.

Литература

- Велецкая 1978 – *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 240 с.
- Глазырина 1996 – *Глазырина Г.В.* Исландские викингские саги о Северной Руси. М.: Ладомир, 1996. 235 с.
- Лихачев 1953 – *Лихачев Д.С.* Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X–XI вв.) // Русское народное поэтическое творчество. Т. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X – начала XVIII в. / Отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Академия наук СССР, 1953. С. 141–216.
- Мелетинский 1998 – *Мелетинский Е.М.* Избранные статьи. Воспоминания / Отв. ред. Е.С. Новик. М.: РГГУ, 1998. 576 с.
- Михайлова 2002 – *Михайлова Т.А.* Знамения смерти в кельтской эпической и фольклорной традиции // Представления о смерти и локализации Иного мира у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т.А. Михайлова. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 253–314.
- Пропп 1984 – *Пропп В.Я.* Русская сказка. Л.: ЛГУ, 1984. 335 с.
- Пропп 1986 – *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 364 с.
- Стендер-Петерсен 2021 – *Стендер-Петерсен А.* Варангика: историко-филологические изыскания. М.: Варфоломеев А.Д., 2021. 384 с.

- Фроянов 1995 – *Фроянов И.Я.* Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб.: Златоуст, 1995. 703 с.
- Dumézil 1970 – *Dumézil G.* From myth to fiction. The saga of Hadingus. Chicago; London: University of Chicago Press, 1970. 261 p.
- Eson 2010 – *Eson L.* Odin and Merlin. Threefold death and the World Tree // *Western Folklore*. 2010. Vol. 69. No. 1. P. 85–107.
- Koptev 2010 – *Koptev A.* Ritual and history. Pagan rites in the story of the Princess' revenge (the Russian Primary Chronicle, under 945–946) // *MIRATOR*. 2010. Vol. 11. No. 1. P. 1–54.
- Liberman 2016 – *Liberman A.* In prayer and laughter. Essays on Medieval Scandinavian and Germanic mythology, literature and culture. Moscow: Paleograph Press, 2016. 587 p.
- Ström 1942 – *Ström F.* On the sacral origin of Germanic death penalties. Stockholm: Valström & Widstrand, 1942. 300 p.
- Ward 1970 – *Ward D.J.* The threefold death. An Indo-European trifunctional sacrifice? // *Myth and law among the Indo-Europeans. Studies in Indo-European comparative mythology* / Ed. by J. Puhvel. Los Angeles: University of California Press, 1970. P. 123–142.

References

- Dumézil, G. (1970), *From myth to fiction. The saga of Hadingus*, University of Chicago Press, Chicago, USA, London, UK.
- Eson, L. (2010), “Odin and Merlin. Threefold death and the World Tree”, *Western Folklore*, vol. 69, no. 1, pp. 85–107.
- Froyanov, I.Ya. (1995), *Drevnyaya Rus': Opyt issledovaniya istorii social'noi i politicheskoi bor'by* [Ancient Rus'. Research in the history of the social and political struggle], Zlatoust, Moscow, Saint Petersburg, Russia.
- Glazyrina, G.V. (1996), *Islandskie vikingskie sagi o Severnoi Rusi* [Icelandic Viking sagas about the Northern Russia], Ladomir, Moscow, Russia.
- Koptev, A. (2010), “Ritual and history. Pagan rites in the story of the Princess' revenge (the Russian Primary Chronicle, under 945–946)”, *MIRATOR*, vol. 11, no. 1, pp. 1–54.
- Liberman, A. (2016), *In prayer and laughter. Essays on Medieval Scandinavian and Germanic mythology, literature and culture*, Paleograph Press, Moscow, Russia.
- Likhachev, D.S. (1953), “Folk poetic art from the period of the Old Russian early feudal state”, in Adrianova-Peretc, V.P. (ed.), *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. Tom 1: Ocherki po istorii russkogo narodnogo poeticheskogo tvorchestva X – nachala XVIII veka* [Russian folk poetry. Vol. 1. Essays on the history of Russian folk poetry of the 10th – early 18th centuries], USSR Academy of Sciences, Moscow, Leningrad, USSR, pp. 141–216.

- Meletinskii, E.M. (1998), *Izbrannye stat'i. Vospominaniya* [Selected works. Memoirs], RGGU, Moscow, Russia.
- Mikhailova, T.A. (2002), "Signs of death in the Celtic epic and folklore tradition", in Mikhailova, T.A. (ed.), *Predstavleniya o smerti o lokalizatsii Inogo mira u drevnikh kel'tov i germantsev* [Ideas about death and localization of the Other world among the Ancient Celts and Germans], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 253–314.
- Propp, V.Ya. (1984), *Russkaya skazka* [Russian tale], Leningrad State University, Leningrad, USSR.
- Propp, V.Ya. (1986), *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of the fairy tale], Leningrad State University, Leningrad, USSR.
- Stender-Petersen, A. (2021), *Varangika: istoriko-filologicheskie izyskaniya* [Varangika. Historical and philological research], Varfolomeev A.D., Moscow, Russia.
- Ström, F. (1942), *On the sacral origin of Germanic death penalties*, Valström, Widstrand, Stockholm, Sweden.
- Veletskaya, N.N. (1978), *Yazycheskaya simbolika slavyanskikh arhaicheskikh ritualov* [Pagan symbolism of the Slavic archaic rituals], Nauka, Moscow, USSR.
- Ward, D.J. (1970), "The threefold death. An Indo-European trifunctional sacrifice?", in Puhvel, J. (ed.), *Myth and law among the Indo-Europeans. Studies in Indo-European comparative mythology*, University of California Press, Los Angeles, CA, USA.

Информация об авторе

Владимир Я. Петрухин, доктор исторических наук, профессор, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А;

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия; 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3; vladimir.petrukhin@gmail.com

Information about the author

Vladimir Ya. Petrukhin, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334;

HSE University, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow, Russia, 105066; vladimir.petrukhin@gmail.com